

Сопоставив слухи, предания между торговцами, а затем и рассказы беженцев, а также немало посмотрев с помощью стеклянной свечи, Санса смогла реконструировать некоторые детали того, что случилось на ее родине за эти несколько прошлых лет.

Она не знала, какие изменения повлияли на Дейнерис Таргариен на этот раз, но начало ее завоевания было значительно менее жестокой. Она захватила Королевскую Гавань без излишнего насилия, в отличие от предыдущего раза, однако ее правление было хаотичным с самого начала.

Со временем груз ответственности оказался явно великоват для печально известной нестабильной таргариенской психики. Святое Воинство было восстановлено Серсеей в приступе идиотизма, слишком глупом даже для нее, и Дейнерис унаследовала этот беспорядок.

(Святое Воинство, также известное как «Мечи и Звезды» — вооруженная ветвь Веры в Семерых, военно-духовные ордены, присягнувшие мечом делу защиты веры)

Ее попытки наладить сотрудничество с ними колебались от одних крайностей к другим, от попыток подкупить Воробьев золотом и привилегиями - до публичных казней фанатиков на площади Бэйлора.

Эйгон, ее неожиданный племянник, отказался признать ее власть, а она отказалась от предложения брака с ним. Самого Эйгона вскоре выгнали из Штормовых земель обратно в Дорн силами Тиреллов, и он решил остановиться, дождавшись исхода от схватки Дейнерис и ланнистеровско-тирелловского альянса.

Упомянутая схватка была жестокой. Руководство Тайвином боем привело к убийству Визериона вблизи от Божьего Ока, однако это стоило ему целой армии и, вероятно, его собственной жизни, ведь после того никто о нем уже не слышал. Большинство дворян Западных земель также погибли вместе с ним.

После второго огненного поля... Дейнерис начала действовать еще более хаотично. Простор скатился в собственную гражданскую войну, и она полетела туда, оказывая помощь одной из сторон. В ее отсутствие святое войско еще более обнаглело, вплоть до момента штурма Красного замка, когда их фанатизм выплеснулся из столицы на окрестные земли.

Дальнейшие события были менее известные, ведь континент сползал в анархию и продвижение Иных доливало масло в пламя. Робб повел уцелевших северян на юг, к Перешейку, а Белые Ходоки шли сразу за ним; беженцы севера разоряли все то, что еще оставалось от Речных земель, в конце вторгшись в Королевские земли.

К тому времени Дейнерис уже испепелила септу Бейлора с большинством руководства Воробьев и Святого войска внутри, вызвав полномасштабную религиозную войну в пределах королевских земель, и простонародье резало безупречных прямо на улицах столицы. И когда Дрогогон сжег дотла Блошиное Дно, лишь тогда сэр Барристан Селми снял с плеч белый плащ, вытащил меч и пришил Дейнерис к трону, которого она так жаждала.

Через три дня, когда Санса перенесла взгляд через море благодаря мерцающему сиянию стеклянной свечи - она нашла на месте Королевской Гавани лишь огромный кратер, до сих пор дымился от дикого огня.

Сожгите их всех, кричала Дейнерис, когда меч сэра Барристана пронзил ей живот. Санса вздрогнула. Ее вывело из оцепенения моргание Красной Кометы, которая неподвижно зависла,

над замерзшим севером.

- Скоро придется это сделать. Так будет безопаснее... - прошептал Джоффри.

Он тоже смотрел на север, вглядываясь вдаль. Санса разглядывала декорации, развешанные ими на стенах небольшой спальни: яркие гобелены, изготовленные из красочных перьев; деревянные маски с вырезанными молитвами к богам любви и очага; картины с видами Тироша. Небольшая модель лебединого корабля свисала из-под потолка; резкие, однако точные линии говорили о мастерстве ее мужа.

- Кажется мы еще никогда не проживали такую спокойную жизнь... это даже жутко.

- Похоже на затишье перед бурей, не так ли? - спросил он.

Она вздохнула, крепче прижимаясь к нему.

- На этот раз мы будем готовы. Мы были созданы до этого, - сказал юноша, чьи глаза аж засветились решимостью. Маленькие пурпурные фракталы возникли из ничего на его ладони, и он замедлил дыхание, сосредотачиваясь, чтобы вытащить частичку души в окружающую реальность.

- Ты здорово продвинулся вперед, - прошептала Санса, наблюдая, как все предплечье засветилось пурпурным светом. Фракталы извивались между собой, формируя контуры наруча и перчатки.

- Сложным было придать ему физическую форму. Чего-то материального, что могут представить наши сознания, - ответил он, глядя на собственную руку.

Пурпур твердел, контуры приобретали массивность, и Джоффри снова глубоко вдохнул. Он уже рассказывал жене, что модуль описывал вес пурпура, простирившегося из его души, окружая ее извне, скорее чем находиться внутри. Описывал, как сгибать мелодию песни.

- И конечно же, первым, о чем ты подумал, был доспех, - заметила она с детской улыбкой на устах, рассматривая перчатку. Ее потрясло то, как он выросстал вокруг руки, медленно отодвигая девичью ладонь набок. Печатка была черной, содержала миллионы выступлений, таких близких друг к другу, что ощущалась гладкой на ощупь; это были пурпурные фракталы, врезанные прямо в саму материю в вихре узоров из острых углов.

Санса могла бы поклясться, что может видеть проблески звезд глубоко посреди бездны, которая формировала черную перчатку; отдаленные пятнышки появлялись и исчезали перед ее зрением, когда Джоффри пошевелил рукой. Конструкция до сих пор ощущалась теплой при прикосновении.

- О чем ты думаешь? - спросила она.

Он улыбнулся:

- Трудно объяснить. О разговорах с капитаном Шанем. Об скрежете моих перчаток, бьющих сира Робара во время битвы в лагере Ренли. О том, что я чувствовал, когда достиг вершины в лунных горах. О весе моего доспеха в Крепости Рассвета. О моем обучении с архимейстерами; как руки Бенедикта вели мои собственные, когда я держал кузнечный молот, как Ваэлин указывал на звезды... - он затих, глядя на варежку,

- Это чувствуется, словно я озвучиваю их всех. Все те ощущения. Опыт. Вплетаю их в песню, прямо здесь и сейчас.

Санса обняла его руку, когда рукавица растворилась в ничто, их глаза встретились. Они все сделают как должно быть. Ради своих друзей и семьи, ради людей, которыми будут править.

Ради живых.

Общинный дом был привычной таверной, лишь под другим названием... хотя можно было бы назвать его борделем и не ошибиться, с точки зрения вестеросцев. Здание возвышалось на высоких сваях прямо над устьем реки Джол; это было уютное место, заполненное стульями и столами, длинными факелами и покрытое камышовой кровлей. Половина здания не имела стен, позволяя теплему бризу залетать из океана прямо внутрь.

Бонол побагровел, держа кулак перед ртом, чтобы не забрызгать слюной Джоффри.

- И тогда он сказал, "Это же лишь маленький котик, Хара!"

Джоффри раз за разом ударял ладонью по столу, борясь за глоток воздуха:

- "Если эта пантера не убьет тебя, Жантас, тогда..."

- "Тебя убью я!" - закончил Талхас, смеясь во весь голос. Троица сидела за одним из столов на открытом пространстве, разглядывая сапфирово-синее море. Кристально чистые воды нежно хлестали вокруг высоких деревянных свай, расшатывая привязанные каноэ, баюкая их мелодией треска дерева. Джоффри запечатлевал эту сцену в своей памяти, чтобы позже иметь возможность это все нарисовать.

Однако он знал, что эта мирная картина была обманчивой. Потому что даже Летние острова не могли полностью отгородиться от конца света, от зимних холодов, которые продвигались все южнее, сильно опережая дрейфующие острова, созданные белыми ходами.

Каперы и пираты также бежали на юг, самые отчаянные из них грабили побережья островов в поисках припасов, прежде чем двинуться дальше на юг, к Соториосу. Они стремились пройти вдоль побережья великого континента, убежать южнее в поисках более теплого климата, который сдержит приближении Иных. Хара всегда жалела тех несчастных, хотя все же крушила черепа нападавших, когда те приплывали к Эбеновой Голове.

- Хара, - Джоффри засмеялся, поднимая деревянную кружку.

- Пью за них обоих.

Двое летнийцы чокнулись своими кружками с кружкой Джоффри, и все трое выпили одобренный специями ром одним глотком. Джоффри откинулся назад; сладкие пряности возвращали воспоминания о ностальгии, печали и удовольствии.

Праздновать смерть распитием рома было извечной традицией на Летних островах, и юноша обнаружил, что этот напиток на удивление хорошо справляется со своей задачей. Мертвых стоит вспоминать с радостью, ведь вокруг и так хватало горя. Они продолжали отдавать дань уважения своим друзьям; послеполуденное солнце отгоняло прохладу, пока рыбаки возвращались на катамаранах, везя устриц, осьминогов и лососей.

Джоффри оперся спиной на колонну за собой, мрачней, когда снова услышал тот непривычный смех в отдалении. Несмотря на то, что тот звук был достаточно приятен для ушей, и было в нем что-то глубоко неестественное для Джоффри, хотя его друзья и пялились на него с непониманием, когда он спросил их об этом.

- Пойду в туалет. Не смейте допивать эту бутылку без меня! - сказал он им.

Бонол невинно отвел взгляд набок, а Талхас подмигнул Джоффри.

- Я прослежу за его загребущими руками, Джофф, не беспокойся, - сказал тот.

- Ага, и проследи еще за своими, - сказал Бонол.

Джоффри ушел, продвигаясь между мужчинами и женщинами, которые разносили морепродукты и приносили высокие кувшины с ромом или кокосовым вином; он снова нахмурился, когда услышал очередной неконтролируемый взрыв хохота.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1996599>